

один с Гитлером. Чехословаки не сомневаются в нашей помощи. Положение в Чехословакии крайне напряженно, но паники нет, волна к сопротивлению нарастает.

С. Александровский

Публикуется по сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 90—91.

- ¹ После переговоров с Гитлером, состоявшихся во время съезда нацистов в Нюрнберге, генлейновцы решили прервать всякие переговоры с чехословацким правительством и организовать путч, который послужил бы для Германии поводом к военному нападению на Чехословакию. Боевые группы судетонемецких нацистов, поддерживаемые с территории Германии, начали провоцировать вооруженные столкновения. В ответ чехословацкое правительство ввело в большинстве пограничных областей осадное положение, распустило Судетонемецкую партию и выдало ордера на арест ее лидеров.
- ² Вопрос о созыве конференции четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии обсуждался 11 сентября 1938 г. английским послом во Франции Э. Фиппсом с генеральным секретарем МИД Франции А. Леже. Французский представитель поддержал выдвинутую Э. Галифаксом идею созыва такой конференции с целью принятия на ней решения о передаче Германии Судетской области, отметив нежелательность приглашения на конференцию СССР. 13 сентября французское правительство высказалось за созыв конференции четырех держав.
- ³ Речь идет о визите Н. Чемберлена к Гитлеру в Берхтесгаден 15 сентября 1938 г., во время которого английский премьер-министр выразил готовность удовлетворить требования Гитлера о передаче Германии Судетской области и ликвидации договоров Чехословакии о взаимопомощи с другими странами, заявив, что он должен получить на это официальное согласие своего и французского правительства. Гитлер уклонился от предложенного Чемберленом обсуждения общих проблем англо-германских отношений, заявив, что решающим для их развития будет то, «в какой степени обе страны смогут выработать общую позицию в чехословацком вопросе» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», ser. III, vol. II, p. 338—341). Газета «Правда» отметила 17 сентября, что поездка британского премьера в Германию имела целью «торг, расплачиваться за который хотя и заставить Чехословакию».

Поездка Н. Чемберлена в Берхтесгаден активизировала те круги правящих классов Чехословакии, которые стремились к соглашению с Гитлером. Генеральный директор Живностенского банка Я. Прейсс рекомендовал не только отказаться от пограничных районов Судет, но и аннулировать договор с СССР, а также запретить КПЧ, что создало бы благоприятные условия для соглашения с Германией (*Král V. Plán Zet. Praha, 1973, s. 191—199*).

339

Сообщение посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера Министерству иностранных дел Чехословакии о беседах с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым, заместителем народного комиссара В. П. Потемкиным и французским послом в СССР Р. Кулондром¹

Москва

17 сентября 1938 г.

Я не могу здесь подробно изложить содержание моих разговоров, которые я вел после возвращения в Москву с Литвиновым, Потемкиным и французским послом. От случая к случаю я сообщал об этих разговорах по телеграфу. Попытаюсь хотя бы вкратце все восстановить снова.

Литвинова до выезда его в Женеву я посещал дважды, с Потемкиным виделся чаще, чтобы поддержать тесную связь с Комиссариатом

иностранных дел, так как остальные его служащие не уполномочены сообщать какую-либо информацию.

Во время первого разговора с Литвиновым и Потемкиным я заметил, что их скептицизм в отношении политики Англии и Франции еще более усилился. Здесь тяжело переносят полное исключение Москвы из политических переговоров с Францией, которая показывает себя очень ненадежным союзником СССР. Как известно, еще в Праге Александровский жаловался мне на недостаток информации, которую он получает. Я пытался рассеять все его сомнения, которые здесь возникли относительно доброй воли Праги, ибо целый ряд других обстоятельств (например, инцидент во время Сокольского слета², жалоба Александровского на бойкот со стороны правительственных кругов, неполные сообщения нашего отдела печати о позиции Советского Союза, наша политика в отношении Испании и т. д.) заметно усилили определенное недоверие также и к нам. Возможно, сам Александровский имел несколько искаженное представление о том, какую политику намерены проводить отдельные деятели в правительстве. Я сам был вынужден решительно протестовать против статьи в «Журналь де Москву», в которой председателя правительства упрекали в нерешительности и «капитулянтстве». Я не переоценивал и не переоцениваю подобные обстоятельства, которые являются отражением взаимного недоверия, существующего между Москвой и Парижем. После последних событий и энергичных мер, принятых нашим правительством, становится заметным возобновление доверия к Чехословакии.

Однако не так обстоит дело в случае с Францией, о политике которой здесь самого худшего мнения. Потемкин, в частности, резко и твердо говорил о том, что французское правительство капитулирует перед нажимом со стороны английских консервативных кругов, что Франция отреклась от роли великой державы, что Даладье умышленно вызывает социальные бури во Франции, чтобы в критический момент не быть обязанным выступить в защиту Чехословакии, что Франция и Англия бросят Чехословакию на произвол судьбы так же, как бросили республиканскую Испанию. Франция якобы никогда серьезно к пакту не относилась, она видела в нем только блеф, который мог бы предотвратить новое Рапалло³, она даже боится применения пакта и его социальных последствий для своей внутренней политики. Франция умышленно исключает Советский Союз из любого сотрудничества. В области военной она отрицает техническое сотрудничество. СССР еще ранее сделал кое-какие заказы, которые были оплачены, однако Франция отказывается их поставлять.

Из слов Потемкина следует, что здешние правительственные круги опасаются того, что новый какой-нибудь «комитет невмешательства»⁴, созданный по инициативе Англии для Чехословакии, будет снова оперировать тезисами о том, что гражданская война в Чехословакии была вызвана Москвой. Подобные опасения, конечно, дают здешнему правительству несомненный резерв в наших исключительно двусторонних переговорах. В конечном счете это аргумент, которым мы сами ранее обосновывали необходимость трехсторонних переговоров относительно применения пакта.

В такой атмосфере взаимного недоверия и произошла 1-го числа текущего месяца встреча поверенного в делах Франции Пайяра с Потемкиным⁵, а день спустя — и с Литвиновым⁶. Пайяру поручили спросить у Советского правительства, какова будет его позиция в слу-

чае нападения Германии на Чехословакию. Об обоих действиях Пайяра я уже сообщил в Прагу по телеграфу.

После возвращения в Москву Кулондр сказал мне, что Пайяр сам недостаточно подчеркнул готовность Франции прийти на помощь Чехословакии всеми своими средствами. Наверное, он об этом вообще промолчал, вследствие чего его запрос Советскому правительству не был должным образом подготовлен французским заявлением, которое логически должно было предшествовать запросу. Поэтому Литвинов после того, как указал на необходимость предварительного приведения в действие механизма пакта, с явной иронией спросил, а что намерена предпринять сама Франция. Пайяр, видимо, не смог должным образом разъяснить ему позицию Франции. Сам Пайяр из заявления, сделанного Литвиновым, понял его в том смысле, что Литвинов предлагает переговоры (кроме предложения конференции или какого-нибудь франко-англо-советского заявления) на основе Пакта Лиги Наций и при этом обещает эффективную помощь Советского Союза в случае совместных военных действий. Пайяр якобы очень хорошо понял Литвинова, что речь идет об эффективной военной помощи. Вот почему Литвинов и настаивал на безотлагательном созыве совещания представителей генеральных штабов Франции, СССР и Чехословакии.

Тем не менее, по словам Кулондра, в Париже отчет Пайяра не был хорошо понят⁷. Фразу Пайяра, где он говорит об обещанной помощи СССР (*par tous les moyens*)* вместо правильной (*avec tous les moyens*)* восприняли якобы так, что речь идет только о средствах и методах политических (*moyens de procédure*). При первом чтении Бонне будто бы имел об отчете плохое впечатление, в то время как Кулондр, будучи вызванным на *Quai d'Orsay*, нашел в ответе Литвинова много конструктивных моментов. Вот почему Кулондр сразу же вернулся в Москву.

Потемкин, сообщая мне о разговоре с Пайяром, подчеркнул, что в ответе Пайяру было ясно сказано, что Советский Союз настаивает на немедленном трехстороннем соглашении генеральных штабов и что военные действия в случае нападения Германии на Чехословакию можно определить только по соглашению с Парижем и с нами. Я сразу же попросил аудиенцию у Литвинова, который принял меня незадолго перед своим отъездом в Женеву, 4-го числа текущего месяца. Литвинов сообщил мне, что все его предложения дискуссионны. Но, по его мнению, нельзя упускать из виду механизм Лиги Наций, нужно обсудить проблему со всеми государствами, которым небезразличен возможный конфликт. Ибо только этим способом можно будет эффективно повлиять на политику Польши и в особенности Румынии, которая, очевидно, является пунктом наименьшего сопротивления. Литвинов ожидал получить от своего выступления в Лиге Наций большую моральную поддержку главным образом со стороны Соединенных Штатов. Литвинов добавил, что без выяснения позиции Румынии Советскому Союзу трудно судить, что можно предпринять с военной точки зрения. Литвинов снова повторил свое предложение, чтобы как можно скорее встретились представители генеральных штабов. В конечном счете, это его пожелание полностью соответствует советскому предложению, которое в свое время было сформулировано в ответ на мою первую инициативу.

* *Всеми средствами (франц.).*

Когда несколько дней спустя Кулондр вернулся в Москву, он информировал меня о своем разговоре с Бонне и с чиновниками Quai d'Orsay. Он добавил, что обстановка должна проясниться, чему будет способствовать разговор, который должен произойти между Литвиновым и Бонне. Французский генеральный штаб готовит, будто бы, совместно с Прагой общее трехстороннее совещание. Сам Кулондр не будет действовать до тех пор, пока не получит определенной инструкции, которую он ожидает после разговора Бонне с Литвиновым. Тем не менее, я посоветовал ему сразу же посетить Потемкина, который мог бы неправильно понять причину того, что Кулондр не пришел к нему сразу же после возвращения. Я дал ему понять, какое подозрение имеют здешние правительственные круги относительно политики Франции, назвав это трагическим недоразумением, которое необходимо рассеять. Я пересказал ему все обвинения в адрес Франции. Кулондр спросил, можно ли об этом говорить. Я ответил, что считаю даже весьма полезным упомянуть об этом разговоре с Потемкиным, поскольку предполагаю, что подобные вещи мне были сказаны с определенным намерением, что данную информацию я передам французам. В ответ Кулондр мне сообщил о подозрении французских правительственных кругов относительно того, что Советы поддерживают агитацию Французской коммунистической партии против реформы закона о 40-часовой рабочей неделе. Кулондр добавил, что сам не верит тому, чтобы агитация поддерживалась посольством в Париже. Таким образом, подозрение французских правительственных кругов ничем не подкрепляется, кроме критики советской печатью социально-экономической политики Франции.

Ранее Пайяр намекнул мне, что здешнее французское посольство очень тщательно изучает подобные критические выступления и собирает их. В Париже эти сообщения читают с большим вниманием и надлежащим образом используют.

Кулондр также сообщил мне о посещении Сурицем Бонне. Последний воспринял возражения Сурица против политики Даладьё относительно 40-часовой рабочей недели как недопустимое вмешательство во внутренние дела Франции. Я ответил, что, по моему мнению, вмешательство Сурица формально, видимо, было неуместным, но, несомненно, хорошо продуманным, так как я сам наблюдал, что новый внутриполитический конфликт во Франции вызвал здесь значительные опасения относительно влияния последствий подобного конфликта на ситуацию в Центральной Европе. Я добавил, что аналогичные опасения были, естественно, и в Праге.

Как я ему и советовал, Кулондр действительно посетил Потемкина и вновь задал ему вопрос относительно готовности Советского Союза применить все военные средства, оставшись, несомненно, весьма удовлетворенным полученным ответом. Одновременно Кулондр проинформировал меня о сообщении касательно результатов разговоров Бонне — Литвинов в Женеве. Литвинов, будто бы, уклонился от ответа и не хотел сказать, что конкретно предпримет Советский Союз. Разговор, будто бы, шел только о предложениях Литвинова, которые выглядели непрактичными. На это я сразу сказал Кулондру, что Потемкин сам прочел мне часть длинной телеграммы, отправленной Литвиновым в Москву. Смысл телеграммы можно резюмировать приблизительно так, что Бонне отверг все предложения Литвинова, мотивируя это тем, что они не приемлемы для Англии, но сам никакого инициативного предло-

жения не сделал. Я сказал Кулондру, что это мне непонятно, что снова обращаю его внимание на то, что существует какое-то непонятное недоразумение, жертвой которого Чехословакия становится в такой момент, когда каждое подобное недоразумение между Москвой и Парижем может ослабить международное положение Чехословакии и причинить такой ущерб, размеры которого трудно определить.

Кулондр согласился со мной и снова попросил Париж выяснить позицию по отношению к Москве, подчеркнув необходимость проведения безотлагательных совещаний генеральных штабов, что, по его мнению, является неизбежным для правильного действия Пакта также в будущем. Пока подобные конкретные переговоры не осуществляются, у обеих стран останутся сомнения, которые в критический момент будет нелегко рассеять.

Кулондр, конечно, не скрывал от меня того, что ссылка Советского Союза на Пакт Лиги Наций вызывает в Париже сомнения. У Парижа складывается впечатление, что Москва прячется за спину Лиги Наций, механизм которой в случае действительного конфликта, как показал опыт, всегда дает осечку. Париж, будто бы, подозревает, что нынешний советский режим, зная свою слабость, не желает рисковать в случае войны и ищет поэтому алиби в Женеве. Советский Союз также чересчур явно ссылается на невыясненную позицию Польши и Румынии, что оставляет плохое впечатление. Я ответил Кулондру, что не исключено определенное нежелание Советского Союза ввязываться сегодня в войну. Я учитываю также и некоторые признаки внутренних трудностей Советского Союза. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться в его доброй воле, в его лояльном поведении. Вполне понятно его желание, чтобы данная проблема предстала перед всей европейской общественностью, ибо, как мне снова при последней встрече заявил Потемкин, Советский Союз не хочет, чтобы его подозревали в том, что он умышленно втягивает Европу в конфликт, в котором в конце концов он участия-де не примет, но использует его только для ведения гонимой пропаганды. По моему мнению, Советский Союз сказал очень ясно, что дает в распоряжение Франции и Чехословакии все свои военные средства, свои сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы, и пробным камнем в этом отношении могут быть совещания генеральных штабов. Естественно, что Советский Союз, как и Франция, вынужден проводить реальную политику. Сегодня перед ним две альтернативы: или вступить в войну совместно с западными государствами и данную войну выиграть относительно легко, избавившись от опасности, грозящей ему со стороны фашизма, или же в случае, если Чехословакия будет предана, окончательно изолировать себя от Западной Европы.

Я добавил, что именно в этом и кроется наибольшая опасность нынешней неясной политики Англии и Франции, которая вынудит СССР в конечном счете к изоляции. Он достаточно силен, чтобы защитить свою собственную территорию от возможного нападения, вот почему выбор будет сделан без особых колебаний. Здешные правительственные круги убеждены в том, что экспансия Германии будет направлена против ближайших ее соседей, в особенности на Запад. И у Советского Союза будет достаточно времени для завершения вооружения и улучшения организации своей армии. В частности, если снова всплывет и осуществится идея конференции четырех держав без участия Советского Союза⁸, то я опасаясь того, что СССР расторгнет

свой пакт с Францией, причем Президиум Верховного Совета имеет полное право сделать это после непродолжительного разбирательства.

Фирлингер

AFMZV, Praha, PZ Moskva, 1938,

č. 117, č. j. 135942/X/38.

Подлинник. Перевод с чешского.

¹ См. док. 327, 330, 335 и 336.

² Имеются в виду антисоветские провокации русских и украинских эмигрантских организаций, которым руководители крупнейшей в Чехословакии физкультурной организации «Сокол» разрешили участвовать в торжественном марше в дни слета 2—6 июня 1938 г. (AFMZV, Praha, II, sekce, krab. č. 390, č. j. 88935/11/38; «Rudé právo», 7. července 1938, č. 157; 10. července 1938, č. 160; 14. července 1938, č. 163).

³ Имеется в виду договор Германии с СССР, подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло.

⁴ Имеется в виду проводимая западными державами политика «невмешательства» в дела Испании, означавшая на деле пособничество фашистским мятежникам (см. прим. 1, 2 к док. 177).

⁵ См. док. 325.

⁶ См. док. 326 и 400.

⁷ См. док. 331.

⁸ См. прим. 2 к док. 338.

340

Письмо чехословацкого литератора Б. Вацлавека в иностранную комиссию Союза советских писателей

Оломоуц

18 сентября 1938 г.

Дорогие друзья!

В часы, когда решается вопрос о войне и мире, пишу хотя бы несколько слов.

С роспуском генлейновской партии¹ мы обезопасили свою территорию. Теперь у нас всюду, в том числе и в немецких районах, восстановлены мир и порядок. Во всех слоях чехословацкого народа, так же, как и среди демократических немцев и представителей остальных меньшинств, господствует полное единодушие в том, что: 1) уступать дальше мы не можем и не будем; 2) мы будем воевать за свою свободу против немецкого фашизма, чего бы это ни стоило, хотя бы и в одиночестве. Такое же единство существует сейчас и среди политических представителей страны². Никогда еще до сих пор не было такого единства. Об уступках, о капитуляции, т. е. о том, о чем еще можно было спорить несколько месяцев назад, теперь не говорят, да об этом и не может быть никакой речи. Мы также во всех отношениях подготовлены к обороне. Войну можно предотвратить только энергичным выступлением всех антифашистских сил и государств, которые остановили бы руку Гитлера, занесенную над Чехословакией. Поскольку речь идет о широких слоях чехословацкого народа, то он, кроме себя, полагается главным образом на СССР. Мы надеемся, что советские крылья защитят наших жен и детей, если дело дойдет до войны.

Мы, писатели, тоже стоим сейчас на страже, как и вся наша страна, до последнего человека. Прилагаю обращение, которое Общество чехословацких писателей разослало писателям мира³. Думаю, что Вы уже получили его. Группа «Блок»⁴ только что сдала в печать сборник стихотворений 21 чехословацких, немецких и венгерских поэ-